

«В НАСТОЯЩИИ момент искусство, литература, театр уже не могут явить ничего особенного. О том, чтобы они чему-нибудь научили, я даже и не говорю».

Как ни странно, это мрачное суждение о современной западной культуре высказал известный французский драматург Эжен Ионеско на страницах еженедельника «Нувель литерер». Автор «Носорогов» нередко выступает в роли публициста, декларируя свои творческие принципы и попутно высказываясь о политических и социальных проблемах нашей эпохи, часто дает интервью, где рекламирует собственную особу. Но статью в «Нувель литерер» отличает та особенность, что создатель «театра абсурда» предстает здесь в новом качестве: не задолго до ее появления Ионеско был избран членом Французской академии, заняв кресло одного из сорока «бессмертных».

«МАГ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Европейскую прессу обшляла фотография Ионеско, с умиротворенной улыбкой красующегося в парадном академическом мундире и при шпаге. В приветственном слове, с каким по традиции обращается к новому избраннику один из его собратьев, профессор Жан Делэ назвал Ионеско «магом нашего времени», который «в противоположность реалистическому театру создал театр сюрреалистический». Основную заслугу Ионеско Жан Делэ усматривает в том, что он «требует права индивида показывать на сцене собственные фантазмы, не подчиняясь никакому закону, кроме капризов своей фантазии». Трагические фарсы и комические драмы Ионеско Жан Делэ считает образцами «чистого» искусства, полностью чуждого тревогам и заботам социальной действительности, особенно расхваливая Ионеско за «неангажированность» его творчества. «Это магический мир, — сказал он, характеризую драматургию писателя, — близкий сну или кошмару, в которых власть берет воображение, потешаясь над законами природы и категориями нашего рассудка».

Официальное признание творчества Эжена Ионеско удивило даже поклонников писателя. Посылать Ионеско на заседания академии, острили парижские шутники, все равно что приглашать клоуна на похороны. В этой шутке есть большая доля правды. Два десятилетия Ионеско олицетворял модернистский театральный авангард, играл в анархическую богему, призывая покончить с засильем обязательности и академизма в искусстве Франции. И вдруг — такой пассаж! Корреспондентам еженедельника

«Экспресс», выразившим недоумение по поводу согласия писателя войти в академию — хранительницу вековых традиций и защитницу устоев, — Ионеско разъяснил, что он пошел на это лишь ради того, чтобы авторитетом академика придать больше веса своим «манифестам в защиту добрых дел». Какие именно добрые дела имеются в виду, мэтр предпочел не уточнять.

Статья в «Нувель литерер», где содержится анализ ситуации в современном искусстве, видимо, должна была стать первым манифестом академика Ионеско. Правда, этот манифест вернее было бы назвать антимакиавеллизмом, настолько безысходна, прямо таки апокалипсична нарисованная в нем картина кризиса западной культуры наших дней.

Все ее виды и формы, по мнению Ионеско, исчерпали себя и омертвели. Театр бессилён раскрыть и познать действительность, драматурги и режиссеры не могут предложить ничего оригинального, ограничиваясь лишь незначительным «усовершенствованием уже сказанного». Поэзия и литература «кончились», превратились в «набор штампов... пустую словесную игру». «Романы еще можно читать, — с сарказмом замечает Ионеско, — ведь это занятие не глупее разгадывания кроссвордов». Кино — и коммерческое, и эстетское — поражено неизлечимой болезнью, которую он определяет как «академизм вкуса» (странное для «бессмертного» порицание!). Говоря о философии нынешних кинорежиссеров (всех без исключения!), он не находит других эпитетов, кроме «пошлая», «претенциозная» или «ничтожная». «Телевидение как средство художественного выражения, — утверждает Ионеско, — бесконечно превосходит содержание телепередач». Абстрактная живопись выродилась в «инстаканный, рутинный формализм».

Культурный пессимизм Ионеско принимает космические — в буквальном смысле слова — масштабы: оказывается, сам материал литературы и искусства «износился... все земное уже исчерпано и духу необходимы новые пространства».

КОМПОЗИЦИЯ ИЗ ВОПРОСОВ

Где же выход из тупика? Как можно помочь современной культуре восстать из руин? Только преодолев ее главный, по мысли Ионеско, порок — бессодержательность. Нынешним писателям и художникам нечего сказать людям, потому что все свое внимание они посвящают формальным поискам и проблемам художественной техники.

Но Ионеско меньше все-

го стремится вернуть буржуазную культуру на путь художественного освоения противоречий социальной действительности, показав жизни и проблем человека наших дней. Он лишь патетически призывает мастеров культуры создавать «новое видение мира», которое соответствовало бы эре научно-технической революции и космических полетов. «Нужен новый взлет витальности, причём витальности интеллектуальной...», необходим «новый сюрреализм, еще более мощный и освобождающий, чем старый...» — пишет он.

Но истинная цель отвлеченных метафизических призывов писателя выяс-

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

АКАДЕМИЧЕСКОЕ

КРЕСЛО И «СТУЛЯ»

ЭЖЕНА ИОНЕСКО

няется, когда он из космических далей возвращается на грешную землю. Оказывается, современное буржуазное искусство Ионеско критикует только для того, чтобы выигрышнее представить свою «позитивную» программу.

Эжен Ионеско любит кокетничать аполитичностью и без усталости твердит о нежелании «каким-либо образом истолковывать мир». «Я не хочу маршировать за идеологией», — заявил он недавно Уго Ронфани, корреспонденту итальянского журнала «Драмма». В книге «Открытие», где «король антитеатра» изложил свое кредо и взгляды на психологию творчества, он писал: «Поэт асоциален. Социальное накрывает его и мешающее проявиться». Литература призвана помогать людям «выйти из истории».

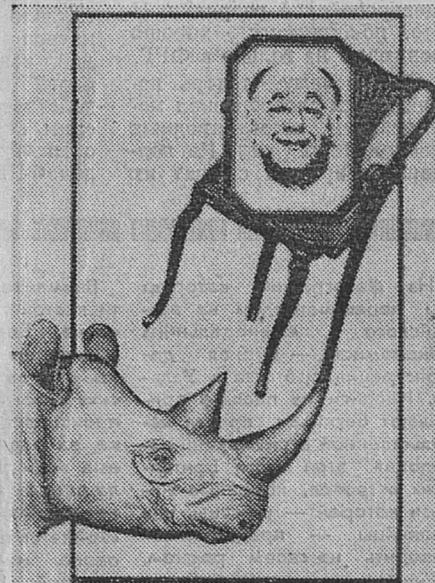
В современной буржуазной литературе Ионеско представляет крайнюю точку социального нигилизма. Он отвергает не только историю, но и само общество как форму совместного бытия людей. «Хорошего общества не существует», — сказал он в интервью еженедельнику «Экспресс». — Все общества, революционные или нет, потерпели крах. История посмеялась над человеком... За самыми благородными идеалами и ве-

ликодушными намерениями скрываются стремление к власти, злая воля или жажда разрушения». Здесь же Ионеско с пафосом утверждает, что в «современном обществе нечем дышать и жить в нем почти невозможно», что «в мире этом нет больше любви и милосердия».

Нигилизм академика Ионеско — весьма комфортабельная идеология. Его покаянная критика поверхностна и несколько не затрагивает основ капиталистического строя. «Капитализм и эксплуатация человека человеком, — пишет он в «Нувель литерер», — это старые формулы, лишённые смысла слова». Теперь «не-

благополучие «свободного мира» драматург объясняет преобладанием инстинктов смерти и агрессии над импульсами жизни.

Консервативность эстетики и политики Ионеско прежде всего обнаруживается в его отношении к гуманизму. Создатель «театра абсурда» не скрывает презрения к человеку. «Мне кажется, — признался он сотрудникам «Экспресса», — что это смехотворное создание — ни зверь, ни ангел — не имеет своего места во Вселенной». Весь абсурдистский театр Ионеско, по существу, представляет собой пародию на гуманизм.

БАРАНЫ И КОМПЬЮТЕРЫ

Драматург охотно повторяет, что его творчество — это «композиция из вопросов», на которые он не в состоянии ответить. Говоря его словами, он стремился показать «неуютность существования» и абсолютную разобщенность людей, коим вообще недоступно взаимопонимание. «Персонажи Ионеско примитивны, — отмечают авторы обширной монографии «Литература во Франции после 1945 года». — Это какие-то механистичные устройства, напоминающие роботов или марионеток...» «Общение между людьми невозможно», — так резюмировал известный английский критик Кеннет Тайнен смысл очень популярной пьесы Ионеско «Стуля».

Человек в представлении Ионеско не способен познать истину, чувствовать красоту, стремиться к добру и светлому. Не случайно для драматургических фантазмагорий писателя характерна, говоря его словами, «тема разрастания, подобного раковой опухоли». В пьесах Ионеско без конца убивают, пугающе быстро растут трупы, кварталы покрываются гигантскими грибами, целые города ока-

зываются засыпанными никоим ненужной мебелью. «Меня преследует мысль, — объясняет он эту тягу к гиперболизации, — что материя разрастается за счет духа. Одним словом, я боюсь, что жизнь превратится в смерть. Ужас перед материей порождает тему разрастания».

Человеку грозит не только «рак материи». Он подвержен другой, не менее опасной социальной болезни — «носорожности», то есть идеологической и пропагандистской заразе, как выражается Ионеско. Переводя на простой язык, академик Ионеско весь род человеческий считает стадом баранов, а в будущем видит «царство разъяренных баранов». Конечно же, самого себя он к этой породе причислять не желает. «Ангажированность совершенно открыто пугает меня, — сказал мэтр в беседе с Уго Ронфани. — Она слишком напоминает «носорожность».

Но неангажированность и аполитичность Ионеско — мнимые. Он на стороне самой консервативной, даже охранительной политики. Бывший авангардист, а ныне «бессмертный», Эжен Ионеско призывает спасти империалистическое государство, которое он объявляет «либеральным и человечным», от... «террора оппозиционно настроенных интеллектуалов». Он с патологической ненавистью относится к молодежи, протестующей против «общества потребления». Ионеско достиг апогея консерватизма, заявив еженедельнику «Экспресс», что «всякий бунт молодежи неправилен». Отказываясь видеть социальные мотивы бунта молодых против капиталистической системы, он объясняет его в духе самой тривиальной буржуазной публицистики «естественной биологической агрессивностью» юного поколения. Движение молодежного протеста цинично приравнивается им к нацизму.

Цель Ионеско — отвратить западную молодежь от политики: «Мы должны избавиться от мифа революции. Нужно спросить себя, не принесут ли вреда всякая акция, всякая политика». При этом он без конца повторяет затрепанные штампы о «коммунистическом тоталитаризме» и отсутствии в странах социализма свободы творчества.

Политические взгляды Эжена Ионеско столь ретроградны и антидемократичны, что удивляют даже буржуазных публицистов. «Вы не боитесь, что вас сочтут реакционером?» — недоуменно спросили писателя журналисты из «Экспресса». «Какое это имеет значение... Не боюсь», — последовал ответ. И тут же писатель заявил: «Я разделяю мнение Раймона Арона, что индустриализация

сможет разрешить самые сложные проблемы, надо только подождать». Эта идейная «метаморфоза» автора «Носорогов» вполне могла бы послужить темой для его комической драмы. Ионеско — принципиальный враг прогресса и истории — отныне возлагает все свои надежды на Раймона Арона, одного из создателей теории «единого индустриального общества» и конвергенции.

«Общество станет если не хорошим, то по крайней мере нейтральным, когда нами будут руководить распределяющие блага электронные машины, — утверждает Ионеско. — Машины сохраняют нейтралитет. Нужно возложить на них управление людьми». «Маг нашего времени», признающий законом творчества лишь произвол собственной фантазии, борясь с революцией и прогрессом, обретает новые духовные горизонты в сухом рационализме технократических утопий. «Поэт воображения», призвающий спасти дух от натиска материи, готов с радостью отдать себя во власть бездушных и трезвых компьютеров, уповая на их нейтральность. Какое впечатляющее разоблачение бесперспективности социальной философии модернизма, его внутренне-родства с наиболее консервативными тенденциями буржуазной идеологии! Академик Ионеско, обратившись в технократическую веру, не заметил, что технократизм отменяет его собственное творчество: ведь компьютеры нейтральны ко всему, даже к «театру абсурда».

Вся эта трагикомическая ситуация удивительно напоминает пьесу Ионеско «Стуля», написанную двадцать лет назад. Полубезумные старик и старуха ждут высоких гостей во главе с самим императором. Всем им некий Оратор должен сообщить благую весть, которая спасет заблудшее человечество. Старик и старуха суетливо расставляют стулья, вот уже сцена заполнена пустыми стульями, а никто не идет.

Наконец в дверях возникает фигура Оратора. Старик и старуха, почувствовав себя свободными, с криком «Да здравствует император!» выбрасываются в окно. Но Оратор, призванный принести страждущему человечеству благую весть о спасении, издает какие-то нечленораздельные звуки: он — глухонемой.

Ионеско оказался в положении героев собственной пьесы. Он возлагает свои надежды на всеспасительную технократическую идеологию и «нейтральность» электронных машин. Но компьютер так же, как и глухонемой Оратор, не способен ничего сказать.

Л. ПАВЛОВ

Коллаж В. БАХЧАНЫЯ

ЭЖЕНА ИОНЕСКО
Г. МОСКВА
11 НОЯ 1972